

18+

ПЯТНА
Чуприн Тимофей

Чуприн Сергеевич Тимофей

Пятна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69813952

SelfPub; 2023

Аннотация

Человеческая судьба как отдельная история является самой сложной для понимания, поскольку включает в себя множество самых нелогичных и сложных поворотов. Именно такими могут похвастаться или, наоборот, огорчиться герои этого произведения. Для кого-то, например, неразделенная любовь является пиком страдания, а для кого-то... Впрочем многое может оставить пятна на душе, но многие ли из них можно оправдать?

Чуприн Тимофей

Пятна

Ветер. Сильный ветер. Даже оконные стекла ревели от такого натиска. Обычно такие ветра не ассоциируются ни с чем хорошим, однако наш герой с больше напоминающей горе улыбкой сидел на стареньком запятнанном кресле. И запятнанным оно было не только вчерашним томатным соусом, который наш дорогой герой решил добавить себе в ужин, но и многочисленными интересными историями, которые очевидны, наверное, только самым пытливым умам. Покуда наш герой расплывается в улыбке и каких-то непонятных мне воспоминаниях (да, они у него очень странные) в такой пасмурный и холодный день, можно поведать о пятнах кресла.

***

1817 год. Точной даты я уже тебе не скажу, друг мой, но именно в этот год родилось то кресло, на котором теперь сидит наш странный герой. Вышло оно из-под рук неизвестного австрийского мастера, перебравшегося в Санкт-Петербург. Причина этому переезду мне неизвестна, как, впрочем, и остального: о мастере мало известно. Само же кресло было схоже с гамбсовой мебелью: сочетание плавности и резкости. Отличительными же чертами были искусно выточенные подлокотники и спинка, а также болотно-зелёная обивка. Именно таким было это кресло.

Кресло мастера могло покорить самые прихотливые задницы и спины, да одно «но» – мастер неизвестный и работы его никому не нужны. Резные кресла, тумбы, столы продавались за сущие копейки. Самая высокая предложенная мастеру цена была 3 рубля. То ли покупатель был скупым и жадным, то ли сам мастер не хотел брать больше, доподлинно мне неизвестно. И, наверное, вы уже понимаете, что нормально прокормить себя и свою дочь у него просто не было денег: дай Бог, зарабатывал 5 рублей в месяц. Новое кресло же, по мнению самого мастера, должно было вывести его из бедности: оно выглядело очень дорого, да и стоило столько же (мастер вложил в его создание последние деньги и силы).

Мастер гордился этим креслом так, будто дворец небесный воздвигнул. Чем была вызвана эта гордость на грани греха? Возможно, тем, друг мой, что творение такого уровня могли сделать только великие творцы, а мастер простой столяр. Правда, всей этой напыщенной гордости не хватило и на неделю: голод не умеет ждать. Так кресло и пылилось в углу, не найдя своего покупателя.

В ещё большую депрессию может ввести тот факт, что дочь мастера побиралась на улице, чтобы хоть как-то помочь горе-отцу. Нет, не подумай, друг мой, я не осуждаю мастера, я его просто не жалею. А вот за дочь его я действительно переживал, особенно тогда, когда настроение улицы и погода явно не пели. Однажды дочь мастера (ей было всего одиннадцать лет) даже избил полицмейстер, забрав всю зарабо-

танную милостыню. В общем, трудная жизнь (надеюсь, такая жизнь обошла тебя, мой дорогой друг). И с такими условиями труда, как сейчас выражается народ, не трудно догадаться, девочка быстро приобрела себе пару на всю жизнь – чухотку. Это был удар для её отца. Ни один врач не мог толком помочь: лекарств толком никаких не было. Если же даже что-то и находилось, то бедность не желала делиться деньгами.

Прошло несколько дней. Девочку то било в лихорадке, то отпускало. Тело горело, лоб покрывался испариной. Никакие примочки не помогали. Девочке давали от силы ещё несколько дней, но разве это может успокоить любящего отца. Ожидание смерти дочери – страшнее самой этой смерти. Куча мыслей, куча недосказанных слов... Всё это крутилось в голове мастера. Однако тоненькая нить надежды не покидала его: дорогое кресло можно продать, однако нужно найти щедрого покупателя. Однако, когда у тебя нет куска металла на груди, все закрывают перед тобой двери. Так было и с мастером: все помещицы усадьбы закрывали дверь перед проблемами мастера, предлагая ничтожно малую цену за венец творения.

Уже ночью удрученный своим поражением мастер возвращался в свой подвал, думая о несправедливости ситуации. И с ним нельзя было не согласиться: жизнь забирает всё у тех, у кого и так ничего нет. Однако будь мастер понастойчивее, все могло сложиться иначе. Мысли мастера питал гнев. И напитал сполна. Действия мастера тогда были крайне необ-

думанными и глупыми: он вернулся в усадьбу, откуда его прогнали, как прокаженного. Каким-то чудом залез внутрь и украл пару золотых карманных часов, выглядевших на баснословные деньги. Этого должно было хватить мастеру, если найти покупателя. Вылезая из усадьбы, он направился к одинокому дереву поодаль усадьбы – там он оставил своё кресло. Чтобы перевести дыхание, мастер присел в него. Правда, ловкое движение ножом по горлу от незнакомца отправило его в вечный отпуск. Стекшая по телу мастера кровь, оставила первое пятно на дорогом кресле.

После мастера никто не видел. Его труп не нашли, кресло тоже, поэтому все решили, что он продал кресло и бросил дочь в подвале. Через день умерла и она в полном одиночестве.

***

1819 год. Место захоронения мастера мне неизвестно. Скорее всего, его дряблое тело наглейшим образом скинули в реку. Но это и не важно. Венец творения мастера чудесным образом перевезли в заброшенную усадьбу недалеко от Пушкино рядом с Москвой. Правда, зачем прекрасное кресло в заброшенной усадьбе? Были там люди со слегка измененным мировоззрением: верили они в то, что общество запрещало, осуждало и наказывало. Если же изъясняться более простым языком, то там сектанты периодически проводили ночные собрания. Название у них было до боли банальное: «Satanae Fratres». Не знаю, с чего они решили считать

себя братьями Сатаны, то есть равными себя ему? Однако не мне судить, дорогой друг, как, в принципе, и не Вам. Чтобы узнавать участников секты на светских вечерах или на улице, было придумано сокращение «SF», которое вышивалось на одежде, выбивалось на часах или оружии.

Основателем секты был достопочтенный московский помещик Захаров Григорий Николаевич. Все его знали любящим мужем, прекрасным отцом и справедливым государственным служащим (точно уже не помню, какую должность он занимал). Однажды он пожертвовал одну из своих усадеб в пользование детскому дому. Не представляете, как были рады детишки, поселившись в отапливаемый просторный дом. Также он помогал крестьянам, например, покупал скотину, всячески поощрял и позволял чаще отдыхать. Любили его крестьяне. И вроде бы замечательным человеком являлся Григорий Николаевич. Подумаешь, отдает предпочтение Сатане, а не Богу. Главное ведь поступки, а не мысли, дорогой друг? Возможно, но иногда лучше не делать поспешных выводов. Мысли у него были настолько грязными, что и вообразить страшно, а поступки... Но об этом чуть позже.

У Григория Николаевича был помощник Лев Олегович (фамилии не помню) – уважаемый член своей общины. О нём мало, что было известно, человек был он скрытный и достаточно скромный: снимал комнату на окраине Москвы. Полиция ничего не смогла обнаружить в квартире Льва Олеговича во время расследования, но об этом тоже чуть позже.

Что ж, вернёмся в русло повествования. Уже приближается осеннее равноденствие – один из немногих дней, когда секта под руководством Григория Николаевича собирается в полном составе. Это крайне важный день, ведь от него зависит дальнейшее существование участников секты, поэтому к приготовлениям относятся с наибольшей ответственностью. Однако я не буду в подробностях их описывать, поскольку Вы, мой дорогой друг, сами всё увидите.

Поздний вечер (уже, можно сказать, ночь) все представители секты собрались в катакомбах под заброшенной усадьбой. Чтобы никто не знал об этих встречах, были продуманы специальные ходы (о них даже я до сих пор не знаю). Скажу сразу, сектанты были необычными для того времени: они не просто отвергали Бога, но и приносил жертвы Сатане. Да, это большая редкость для сатанистов того времени. Поэтому советую закрыть глаза, мой друг, если у тебя слабый желудок или ты слишком впечатлительный. Я предупредил.

Первая часть вечера проходит абсолютно также, как и все званные вечера: собираются участники, которые обсуждают обыденные дела и планы, сплетничают и плетут интриги, обмениваются новостями и так далее. Ничего нового и сверхъестественного. Поэтому я, пожалуй, пропущу эту часть, поскольку небольшой фанат сплетен (однако сплетни о состоянии здоровья Александра I привлекли моё внимание тогда, но Вы уже и так всё знаете об этом).

Вторая часть является торжественной. Участники надели

робы с капюшонами, причем у каждого она своя. Черные робы надели обычные члены секты, которые уже прошли обряд посвящения. Красные робы надели лидеры секты (в данном случае их было двое – Григорий Николаевич и Лев Олегович). Белые робы надел начинающий последователь, который будет обязан доказать свою верность. Далее участники прошли в главный зал (он также находится в катакомбах на пересечении всех подземных путей). По центру помещения был вырисован большой пентакль с определенными символами (не будем углубляться подробнее). По углам комнаты стояли свечи. И главная деталь – резное кресло мастера, которое стояло в центре пентакля. Оно было главным украшением всей мрачной и таинственной атмосферы.

В зал царственными шагами вошел Григорий Николаевич и Лев Олегович, а также с некоторой скромностью за ними выполз молодой парнишка в белой робе (возможно, лет двадцати двух – капюшон частично скрывал его лицо). Григорий Николаевич поприветствовал всех и приказал читать молитву, хотя больше она походила на древнее заклинание. Это продлилось не более десяти минут, после чего глава торжества представил всем молодого последователя. Сегодня ему предстояло доказать свою волю, силу и преданность Сатане.

Прошёл ещё час в молитвах, заклинаниях и воспеваниях. Григорий Николаевич в жёсткой для его манеры приказал вести венец торжества – мальчишку, которому от силы

лет пять. Глаза ребенка передавали невинность и полнейший ужас с непониманием происходящего. Лев Олегович, который подталкивал мальчишку, успокаивал его, говоря, что это всё обычная игра и скоро его досыта накормят. Увы, этому не предстояло случиться. Мальчишку усадили в кресло и стали задавать различные вопросы на религиозную тематику, попутно подкармливая оставшимися объедками. Однако ребенка всё это пугало. Пугало настолько, что он уже начинал хныкать, прося, чтобы его отпустили. Парень в белой робе же сегодня был обязан, как Вы, наверное, догадались, принести этого мальчишку в жертву Сатане. Правда, подойдя к мальчишке, его руки начали невероятно трястись, лицо покрылось обильным потом. Новичок боялся, он уже не хотел этого. Когда он вступал в секту, ему казалось, что это обычный клуб для элиты (что-то наподобие масонской ложи). Увы, это было не так. Мальчик уже кричал от страха и пытался убежать, поэтому Лев Олегович плотно прижал его к зеленому креслу. Новичок медлил, держа кривой нож в руках. Все его терпеливо ждали, однако ритуальное время подходило к концу. Григорий Николаевич, подойдя сзади к новичку, крепко сжал его кулак с ножом и быстрым движением провёл по горлу мальчишки. Кровь снова окропила кресло (так появилось ещё одно пятно), жертва Сатане была принесена, но не полностью. Ритуал включал в себя ещё несколько манипуляций, которые я описывать не стану (они слишком жестоки). Мне кажется, что Ваша шаткая психика не выдер-

жит, друг мой. Результат был следующий: мальчику пришили голову козла вместо его собственной. Он стал алтарём до зимнего солнцестояния (эти ритуалы проводили четыре раза в год: летнее и зимнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие). Такие алтари, по мнению Льва Олеговича, обеспечивали мир, порядок и достаток.

Секта просуществовала всего два года (с 1817 до 1819). Описанный выше ритуал был последним. Новичок из-за угрызений совести сдался полиции и рассказал всё, что видел и сделал. Вечером после признания полиция обнаружила труп мальчика, нашла его голову, чтобы его могли похоронить полностью. При аресте Григорий Николаевич только приговаривал, что нельзя трогать алтарь, иначе придётся заплатить ещё большую цену. Так и произошло: детский дом сгорел той же ночью, когда был обнаружен труп мальчика. Также следует сказать, что Григория Николаевича отправили в ссылку, где позже его убили заключенные. Остальных членов культа не удалось поймать. Лев Олегович испарился вовсе.

***

1871 год. Кресло долго пылилось сначала в городском управлении полиции, после на складе списанных вещей. Очень долго: пятна крови были еле видны. Однако кресло продолжило путешествовать по людским судьбам: нынешний полицмейстер Фёдор Геннадьевич решил забрать кресло себе, чтобы отмыть и подарить на восемнадцатые именины

младшей дочери графа Завицкого. По моему мнению, странный подарок для молодой девушки, но кресло могло стать прекрасным подарком, например, для чиновника.

Сам же Фёдор Геннадьевич был человеком честных правил, да настолько честных, что сам министр Пётр Александрович пожал ему руку в 1869 году. Ещё одной главной чертой полицмейстера была справедливость. Да, все у него получали по заслугам, хотя иногда он перегибал палку. Например, отправил в отставку постовых, опоздавших на три минуты. Преступников ненавидел до такой степени, что хотел каждого на позорном столбе повесить, а после скормить псам. В общем, был таким стражем порядка, какого и за сотню лет не сыщешь. Правда, в других делах он был полный профан, что, конечно, и видно из выбора подарка имениннице.

На званный вечер гости начали съезжаться ближе к шести вечера. Первой приехала Маргарита Петровна – тётя именинницы – довольно строгая женщина, можно даже сказать мужественная. Уже с порога она показала, кто будет главным гостем на этом вечере. Правда, своего брата Петра Петровича она недолюбливала: отец завешал ему своё предприятие. Для такой деловой женщины это был удар ниже пояса. А вот в младшей дочери Петра Маргарита Петровна души не чаяла. Именно по этой причине Лиза (так звали младшую дочь Петра) всегда получала лучшее обслуживание во всех заведениях Москвы, не догадываясь, что за всем этим стоит

её тётя. Это даже породило холодное напряжение между Лизой и её сестрами. Однако отклонимся от бытовой стороны в сторону торжества.

Сливки общества с каждой минутой сгущались в белом зале поместья Завицких. И пока они сгущались, Маргарита Петровна секретничала с Лизой, особенно насчёт женихов, которые будут сегодня её поздравлять. Лиза ни с кем ещё не была помолвлена, что, по мнению её тётки, было ошибкой, которую срочно следует исправить. Особенно Маргарита Петровна подмечала статного офицера Илью Никитича из уважаемой семьи Ростовых. Лиза же отвечала только грустными кивками.

Все гости уже собрались, в том числе и Фёдор Геннадьевич. Все ожидали только Лизу. Когда она появилась на лестнице, все обомлели (даже я, что странно для меня). Лиза была в светло-розовом свободном платье (все гости были в турнюрных и пышных платьях), которое приоткрывало её белоснежные плечики и в то же время не выглядело пошлым. Торжество было официально открыто. Гости мило беседовали, танцевали, одним словом, веселились. Спустя несколько танцев именинницу стали поздравлять. Подарки были различными: серьги с гранатами, портреты, стихи, шкатулки. Илья Никитич подарил расшитый золотом веер, достойный самой императрицы. Медленно очередь дошла и до Фёдора Геннадьевича, который скромно произнёс поздравление и слишком топорно представил свой подарок. Когда гости

увидели, что это кресло от неизвестного мастера, смешок не заставил себя долго ждать, особенно от Маргариты Петровны, которая вообще терпеть не могла этого пятидесятишестилетнего полицмейстера (для неё это был ещё один повод для насмешек). Увидев эти насмешки, Лиза решила защитить Фёдора Геннадьевича. Она подошла и от всей души поблагодарила его, пожав руку и указав всем на его подарок. Однако было ли это ошибкой? Все гости разъехались ближе к двум часам ночи.

Фёдор Геннадьевич домой возвращался опьяненный любовью и вином. Мысли его были только об одном: неужели Лиза тоже его любит? Такой незначительный знак внимания, и то сделанный для защиты и показной доброты, а столько далекоидущих мыслей. Да, дорогой друг, я не верю в искреннюю доброту: всё имеет свою подоплеку. Но не будем заикливаться на этом. В общем, как я и говорил, профан во всём, кроме ловли воров и пьянчуг.

Следующая неделя у Фёдора Геннадьевича прошла как в тумане, вот только денег стало меньше: подарки дорогое удовольствие. Да, полицмейстер всё за всех решил и подарил Лизу всеразличными побрякушками. Правда, дарил он их анонимно, поэтому в доме Завицких думали, что подарки от Ильи Никитича, который, по слухам, хотел сделать предложение Лизе. Но ладно, если всё ограничилось только подарками, так Фёдор Геннадьевич ещё тайком и следил за Лизой в саду, подслушивая её разговоры со служанками и подру-

гами. Так одним вечером он и узнал про Илью Никитича, которому приписывали чужие заслуги. Это стало причиной действовать открыто. Фёдор Геннадьевич написал письмо от имени Ильи Никитича, пригласив Лизу на встречу в летнем домике усадьбы Завицких. Летним домиком никто не пользовался: там складывали ненужные вещи.

Была уже полночь. Лиза через помещения для слуг выбралась из усадьбы. В летнем домике она уже была через пару минут, где её на втором этаже поджидал Фёдор Геннадьевич (как он туда попал без ключа, я не уследил). Он сидел на прекрасном зелёном кресле, которое подарил Лизе. Да, оказывается её доброта, действительно, была показной. Так думал и Фёдор Геннадьевич. Встреча была крайне неожиданной для Лизы, причём настолько, что она даже сначала не узнала таинственного гостя. Обстановка была одновременно и напряженной, и неловкой. Да, настолько, что стены вибрировали. Лиза уже собиралась бежать, как наш добропорядочный полицмейстер схватил её за руку и бросил на кресло. Вопросы к ней были банальны. Фёдор Геннадьевич кричал о любви, о безответной любви, а Лиза молча кивала, выказывая удивление и страх. В воздухе повисла пауза. Фёдор Геннадьевич почти успокоился, но Лиза зачем-то добавила, что он хороший человек, достойный большей любви от другой более прекрасной девушки. Ох, видели бы Вы, мой друг, этот всплеск ярости. Как закипала кровь Фёдора Геннадьевича, было одновременно и приятно, и опасно смотреть (не хоте-

лось попасть под горячую руку). Все последующие действия произошли слишком быстро: полицмейстер ударил Лизу, сорвал с неё платье и изнасиловал прямо на том кресле, которое подарил (ещё одно пятно на кресле). Лиза рыдала и била Фёдора Геннадьевича, но закалённый в боях солдат не чувствовал всю душевную тяжесть, заложенную в маленькие кулачки девушки. После полицмейстер поцеловал Лизу в лоб, сказав, что будет вечно её любить. Да уж, не самая романтическая встреча.

Лизу на следующее утро нашли повешенной на втором этаже летнего домика. Она оттолкнулась от кресла, когда вешалась. Было ли это знаком или нет, я не знаю, друг мой. Зато я точно знаю, что это было настоящее горе. Сёстры Лизы рыдали неделями, хотя ненавидели её при жизни. Маргарита Петровна слегла с приступом. Ей даже парализовало половину тела. Петр Петрович не мог найти себе места, поскольку причины такого решения дочери не знал, но из-за злости всё же решил сжечь кресло. Правда в последний момент его кто-то украл.

Фёдора Геннадьевича мучала совесть, да так, что он не мог ни есть, ни пить. Правда, такое себе наказание за преступление. С каждым днём муки совести нарастали, поэтому полицмейстер решил бросить одну службу и поступить на другую. Фёдор Геннадьевич стал послушником в одном сельском храме в ста километрах от Москвы.

***

1872 год. Кресло украл свободный крестьянин Ермол. Храбрый, конечно, мужчина, а может глупый. Трудно разоб-
раться. Но не в этом суть. Кресло он продал одному иностран-
ному торговцу за пять рублей. Именно на эти деньги он ку-
пил несколько литров водки у местной бабушки. Эх, промене-
вать историю на пойло. Ладно не буду тянуть: Ермол пере-
пил и замерз ночью на смерть, оставив восемь детей на шею
у матери. Однако история не о них.

Торговец, которому Ермол продал кресло, был мужчиной
средних лет. Выглядел он достаточно колоритно: черные во-
лосы, зелёные глаза, поломанный нос и рваный шрам на ше-
ке. По внешнему виду нельзя было определить, откуда при-
ехал этот торговец. Было известно только одно, что звали
его Арни (по крайней мере, так он представился Ермолу).
Передвигался Арни на дилижансе из чёрного резного дере-
ва, украшенного по бокам золотым тиснением. К дилижансу
сзади крепилась ещё небольшая закрытая телега, выполнен-
ная из металла. Именно в ней он и хранил свои товары, ко-
торые были достаточно разнообразными. Арни был, своего
рода, хранителем историй, как... А не важно. Арни просто
любил коллекционировать старинные предметы: кресты, ча-
щи, полотнища, украшения. Чем его привлекло кресло, я не
знаю, наверное, из-за красоты и величия, а возможно из-за
истории с дочкой князя Завицкого. Если говорить не толь-
ко о кресле, то на днях Анри приобрел ещё два интересных
предмета: боевое знамя и крест. Боевое знамя ему продал

солдат, который разочаровался в военной службе. Крест же ему продал крестьянин, который снял его с некоего послушника, похороненного за кладбищенской оградой. С таким багажом отправился Арни в сторону Парижа.

***

1899 год. За всё время пребывания у Арни кресло так и не получило ни одного пятна. В итоге он обменял его на золотые карманные часы с достаточно интересной гравировкой двуглавого орла. Больше Арни я не видел. Кресло попало в имение одного известного француза, который держал несколько салонов по всему Парижу. Звали его вроде Пьер, но я точно не помню.

А Пьере я знал не так уж и много: он был хорошим человеком, который всей душой любил творчество Шардена и Робера, хорошее красное вино и женскую красоту. Однако он не был бабником; женскую красоту он воспринимал как искусство. Для него не было красивых и уродливых женщин – только набор природных мазков, которые прекрасны в любом проявлении. Правда, как и в любом искусстве – на каждый шедевр свой ценитель. Эстетический же вкус Пьера был прекрасен: Вам, мой дорогой друг, стоило бы видеть его жену. Звали её Ева и прекрасней женщины я не видел. Глядя в её серые глаза, ты видел не серость, а бурлящую жизнь. Алые губы говорили даже тогда, когда Ева молчала, а тёмные волосы придавали образу бурлящую таинственность. Если говорить на языке Пьера, то Ева сочетала в себе «Пшеничное

поле с кипарисами» Ван Гога, «Девятый Вал» Айвазовского и «У ворот парка» Гримшоу.

Ева была прекрасной не только снаружи, но и внутри: одновременно холодна и горяча, притягательна и... Пьер любил её, но я не хочу придаваться этим воспоминаниям, дружок мой, надеюсь, Вы поймёте.

В общем, Пьер готовил новую выставку в своём особняке. Причём готовил он не обычную выставку, как в других салонах Парижа, а грандиозную. Он собирался выставить как малоизвестных художников, так и уже тех, кто стоит на вершине творческого мира. Эта выставка должна была завершить девятнадцатый век. На неё были приглашены самые именитые люди Франции, но я не буду их перечислять (уж слишком большой список). В большом зале с белыми колоннами Пьер установил одну из полученных им жемчужин «Брак в Кане Галилейской» (умел же он договариваться с людьми). Напротив неё он поставил несколько кресел, среди которых оказалось и то самое зелёное кресло мастера. Оно стояло по центру.

Выставка была запланирована на празднование Нового года – оставалось всего три дня до празднования. Подготовка шла полным ходом: картины прибывали в большом объёме, помещения быстро подготавливали к выставке. Отдельный зал был выделен для банкета. Подготовка была крайне муторной, но Ева всячески поддерживала Пьера и даже руководила всей подготовкой. В отличие от Пьера Ева была ор-

ганизованным человеком. Уже к концу дня всё было готова к встрече гостей.

Вечером Ева и Пьер прогуливались по зимнему парку, мило общались о природе. В общем, хорошо проводили время. Они были крайне счастливой парой: вокруг них витала постоянная атмосфера праздника. Перед сном Ева любила уединяться на час или два ото всех в собственном кабинете (даже мне не известно, чем она там занималась), что порой Пьер не одобрял, но никак не показывал этого.

Следующий день прошёл спокойно: влюбленные читали книги, обсуждали передовые философские течения и картины новых художников. Ничего примечательного.

Тридцать первое декабря. Этот день пропах старыми красками и шампанским. Гости начали съезжаться ближе к пяти часам вечера. Что я могу о них сказать? Всё так же, высокомерное, чопорное и вышитое красной ниткой общество. Ничего интересного, я даже не обращал на них внимание, как и они на меня (возможно, я даже дал слабину и выпил немного). Ева не выходила к гостям, сказав мужу, что должна хорошо подготовиться и посидеть в одиночестве некоторое время, поэтому я её не видел, что крайне печально (хотя не исключаю, что она вышла к гостям). Я только хорошо помню, что Пьер пошёл открывать главный зал со своей жемчужиной, приказав всем остальным зайти за ним спустя минут пятнадцать (видно, готовил сюрприз). Дальше был только женский крик и блевотина на мраморе. Тело Пьера

спокойно сидело на кресле, держа свою голову в руках (она смотрела точно на картину). Кровь была повсюду, особенно на кресле (ещё одно пятно). Так и наступил двадцатый век в доме Пьера.

Правда, я слегка приврал. Я знал, что делала Ева тридцатого декабря в свой час. Она получила письмо от убийцы, который пообещал ей убить её мужа за пятьсот франков. Однако я узнал это только уже после тридцать первого декабря. Ева сбежала.

***

1901 год. Прекрасная вонь грязи, мочи и крови. Да, кресло попало в трупобобы: никто не захотел покупать его на аукционе (посчитали, что оно проклято). Само кресло стояло рядом с покосившемся домом. Казалось, что он должен был рухнуть, однако простоял до 1937 года. Всё вокруг напоминало отчаяние: разбитые стекла, прогнившие доски, дырявые крыши. Мерзкая картина. Сотни людей. Они ходили друг на друга. А что они ели... Но не будем на этом заикливаться.

Над креслом издевались все, кто только мог. Пережило оно множество травм: пинки, кидания, сношения, мочеиспускания... Чистой воды недопустимые издевательства над креслом мастера. До одного момента это делали все, но после себе его забрал местный «король». Однако был он последней скотиной: издевался над людьми, устраивал потехи, забирал последние деньги и хлеб. Почему его боялись, я не

знаю. «Король» был обычным психом (и только): никакой цели, философии. Он даже был мне противен настолько, что гнилой канавы для него было мало. Правда была у него одна вещь (кроме кресла), которая привлекла моё внимание, нож для писем. Обычный серебряный нож для писем в таком месте? Здесь писем не пишут. Однако интересно и другое – гравировка «Chère Eve...». Другую часть невозможно было разобрать. Неужели Ева была здесь? Ладно, эта история не о ней. Зачем вообще я начал про неё говорить? Обычная (нет, прекрасная) девушка с необычными наклонностями. А всё же, если она была здесь? Нет, всё хватит, забыли, эта история о скотине «короле».

Дорогой друг, давай вернёмся к повествованию. В тёмных подвалах жил не только «король», но и множество других интересных личностей. Учёный, которого лишили всего из-за мягкосердечности. Гадалка, ничего не знающая о судьбе, а только играющая на чувствах. Безнадёжно верующие и уставшие, похожие на героев пьесы Максима Горького «Без солнца» (правда, о ней мир ещё не знает). Матери-одиночки и больные дети. Одним словом, тяжелая жизнь. Однако в этой тяжелой жизни был один интересный человек – мим. Он умел утешить и развеселить всех будучи сам духовно убитым. Одну из его фраз я запомнил навсегда: «Девочка, жизнь – это не то, что вокруг тебя, это то, что внутри тебя. Пусть вокруг тебя грязь и холод, но они не определяют тебя. Сохрани своё тепло». Правда, для этой девушки фраза

значила не больше, чем ломанный пятак, поскольку вечные оскорбления оставляют свой след на душе.

На улице было подозрительно тепло, когда в трущобы пришла грустная весть – снос трущоб. Обычные горожане были убиты этой новостью, а «король» прикончен: его королевство решили снести. Для него было два варианта действия: объявить властям войну и проиграть или стрясти последнее с жителей трущоб. Дорогой друг, конечно, он выбрал второе. Зря он что ли король в кавычках? Началась настоящая судная ночь, длившаяся три дня, однако по порядку.

Первый день. «Король» со своей свитой начал собирать дань с людей для высшей цели – защиты населения, сохранения и улучшения квартала (какое же лживое благородство, даже Григорий Николаевич так не лгал). По началу всё получалось. Матери отдавали последние деньги, больные и старые последние пожитки. Для «короля» всё шло крайне хорошо, пока у одного из его приспешников не разыгралась совесть (постоянно она мешает, не так ли?). Он сдал его план. Началось восстание.

Второй день. Толпа недовольных жителей стала сгущаться у центра трущоб, где обитал «король» со свитой. Их можно было понять. Отдали последние деньги, чтобы получить пощечину по лицу. Хорошая сделка для аристократа, но плохая для исхудалого бедняги. «Король» засел в полуразвалившемся домике. Ему некуда было бежать, но и капитуляцию нельзя принимать (он никогда не отступал, это мне в нём

правилось). Да, и отступать было некуда: люди хотели его казнить. В прямом смысле. Многие жители пришли с полуманными ножами, вилами, лопатами, скобами. Только мим был без оружия. До самого конца оставался человеком, который был готов пожертвовать собой, чтобы предотвратить кровопролитие. Пролить свою кровь за чужую кровь – подвиг это или глупость? Сейчас трудно мне об этом говорить. Мим был тем, кем мне никогда не стать... Однако история не обо мне, поэтому вернёмся к повествованию. Какое, однако, спокойствие, когда тебя ограбили? Народ его не понимал, считая слабаком, не готовым к действиям.

Обстановка накалялась. Готовилось вооруженное вторжение в дом «короля». Но «король» действовал наперёд. Трое мужчин лишились жизни, окропив брусчатку своей кровью. Прислуга «короля» умела орудовать ножами (бывшие солдаты-пьянчуги). Что полиция, друг мой? Ничего, правительству было это на руку: меньше народа – быстрее снесём трупы. Первые же трупы утомили пыл толпы, но «король», почувствовав ещё большую власть, стал просить ещё больше денег с жителей. Это стало причиной резни. Итого было убито десять жителей и три приспешника «короля». Кровь, кишки, слюни и блевотина были повсюду, но никто уже не собирался отступать. Все падали на этой человеческой каше и вставали. Акт великой справедливости творился в тот день до самой ночи. Правда, такую справедливость суд не поддерживал, но... Для них не оставалось ничего другого. Кто бу-

дет слушать больного, хромого и вонючего человека в зале великого суда, где заседают высокопочтенные и надушенные господа? Людей из трущоб вообще никто не слышал.

«Король» проигрывал. Бежать было некуда и он предпринял последнее – угрожать сожжением всего. Люди отступили, но только мим понимал, что «король» сожжет все вместе с собой в любом случае. Мим оставил ещё одно пятно на кресле, ударив им «короля» со спины. Ещё один труп.

Третий день. Полиция вмешалась. Правда, восстания больше не было. Однако козла отпущения найти было необходимо. Им стал мим. Его судили. Мим ничего не сказал, но молчание было главной его речью, речью поистине свободного человека.

***

1945 год. Большой промежуток времени прошёл, другой мой. Вы ещё не постарели? Да, чувство юмора у меня всегда было плохим. В общем, кресло долго провело в развалинах трущоб и складе ненужных вещей. Там её заметил один коллекционер мебели, а в 1940 году немецкие завоеватели, взяв Францию, присвоили очень много предметов искусства и мебели. Таким образом кресло оказалось у группенфюрера СС Ганса Клауберга.

Ганс был человеком идейным, я бы даже сказал, что идейным в крайней степени этого слова. Он проводил эксперименты по созданию сверхчеловека. Это было смыслом его жизни. Работал Ганс в секретной лаборатории в Польше.

Кресло же стояло в дубовом кабинете – личный кабинет группенфюрера. Кабинет был небольшой, но выполнен со вкусом: дубовая отделка, зелёные вставки... Только красный флаг был не к месту, но таковы были правила. Работал там Ганс с 1941 года. За всё время работы группенфюрер успел провести тысячи тестов и экспериментов (в основном над детьми и беременными женщинами).

Кроме идейности в Гансе была невиданное упорство, целеустремленность и жестокость. Он постоянно говорил, что за великие цели нужно платить великими жертвами. И, если подумать, это правда. Конечно, это суровая правда. И здесь нужно ещё добавить, что за великие цели нужно платить великими жертвами, не жалея о них. Однако это не для каждого. Достоевский ещё об этом писал. Вернёмся к Гансу.

В лаборатории группенфюрера работали пять учёных-генетиков и их помощники. Они отчасти были евгениками, но только отчасти. Их задачей не было создание истинного арийца, их задачей был сверхчеловек – сверхоружие. Внешность сверхчеловека была абсолютно не важна (такие двойные стандарты). Но Вы, дорогой друг, наверное, ещё не осознали всей глубины личности Ганса. Я приведу примеры.

Эксперимент 164.551941. Подопытным был маленький польский мальчик. У него не было имени, только номер, который соответствовал номеру эксперимента. На вид мальчику было семь лет. Ганс вместе с тремя учёными приковали мальчика к кушетке. Им было всё равно на его крики, они

даже били его за каждый крик, а за слово «мама» вообще могли лишиться куска хлеба. После того, как мальчик переставал дёргаться, ему большой иглой в костный мозг вводили мутный препарат. Всего было пять инъекций. В первые дни мальчик показывал немислимые результаты: увеличение физической силы, улучшение памяти и счёта, набор мышечной массы. Ганс уже стоял на пороге торжества, но через шесть дней мозг мальчика вскипел. Это была мучительная смерть. Труп мальчика сожгли.

Эксперименты 567.1271942, 645.381942, 768.12121942 (ещё 12 записей). Я уже всех не помню. Эксперименты проводились над беременными женщинами, а если быть точнее, то над плодами в их утробе. Одним матерям (с малым сроком) вводили препарат в костный мозг, другим в костный мозг плода. Часть матерей искусственно оплодотворили геномодифицированным семенем. Это было пиршество страшного уродства во всех его проявлениях (да, я не ошибся насчёт «страшного уродства», дорогой друг). Четверо матерей погибли спустя час, у пятерых случился летальный выкидыш, остальные показали интересные результаты для Ганса. Первая мать родила ребёнка с непропорциональными конечностями (руки были длиннее ног в полтора раза). Вторую мать ребёнок разорвал своими же руками во время родов, а ходить начал уже в первую неделю жизни. Третья родила что-то непонятное, поэтому единогласным решением оно было убито. Четвёртая, пятая и шестая родили обычных

детей, которые показывали быстрое умственное развитие в первые годы жизни. Дальнейшая судьба детей мне не известна. Матерей казнили и сожгли, чтобы они не смогли оказать влияние на развитие детей.

Эксперимент 1666.661944. Самый удачный эксперимент Ганса. Подопытной была девочка одиннадцати лет. Её звали Амалия (она единственная имела имя). Она была дочерью самого Ганса. Амалия очень любила своего отца. Он её тоже любил. Правда, у Амалии была обнаружена повышенная хрупкость костей, что сильно усложняло её жизнь, особенно в Германии. Препарат для Амалии Ганс разрабатывал довольно долго и очень кропотливо. В день ввода препарата руки группенфюрера тряслись, а на лбу появилась испарина. Процедура прошла успешно, но последующие наблюдения были необходимы. В течение трёх следующих месяцев костная ткань Амалии стала настолько прочной, что из неё можно было бы строить бункер, также укрепились мышцы и связки. Это был фатальный успех не только для семьи Ганса, но и всей нацистской идеи о сверхчеловеке. Это зачатки нового и совершенного солдата.

Разработки стали тестировать на других подопытных, но результат был всегда разный, хотя тоже положительный (правда, недостаточный для успеха). Амалия же смогла начать бегать, прыгать и играть со своими друзьями. Однако утонула спустя пять месяцев после эксперимента: кости стали слишком плотными и потянули её ко дну. Этот день

стал роковым. Ганс стал сходить с ума. Эксперименты стали совсем безумными. Его новой задачей стало возрождение дочери. Правда это не увенчалось успехом: Ганс начал видеть галлюцинации. И однажды, когда Ганс сидел на зелёном кресле в кабинете, галлюцинация дочери заставила его принять вещество, которое растворило его изнутри (ещё одно пятно).

***

Наши дни. Друг мой, Вы, наверное, интересуетесь, почему я никому не помог? Понимаете ли, я не мог. А тот герой, которого я затронул в начале, – я. Я ничего не мог сделать потому, что... Эх, давайте обо всём по порядку, не могу больше молчать.

Первая история была про меня. Я, конечно, не австрийский мастер. Будь я им, не жил в трущобах. Жизнь моя была трудна, я с дочерью ели сводили концы с концами. Она, правда, заболела, и я ничем не мог помочь. Ей оставались считанные часы, как ко мне пришёл неизвестный человек, покрытый с ног до головы в чёрное. Он пообещал вечную жизнь мне и дочери, если я выполню одно небольшое задание. Я ему сначала не поверил и пытался выгнать, но он доказал истинность своих слов. Человек в чёрном заставил летать всю мебель в доме. Это было чудо, которое вынудило меня поверить его словам. Правда, условия были ужасными: нужно было сделать кресло, используя кости, волосы и сердце дочери, и окропить кровью шести людей с разными судь-

бами, но кресло должно само выбирать жертв, кроме первого (он запускал процесс). Кости стали внутренним каркасом кресла (я их вбил в ножки), волосы нитками для обивки, а измельченное в крошку сердце частью наполнителя. Я с огромным трудом проделал эти манипуляции. Тогда я потерял свою душу навсегда, правда, не знал ещё об этом, гордясь тем, что выбил счастливый билет для семьи. Первой жертвой стал мелкий дворянин, который заблудился на ночных улицах. Случайная жертва.

По началу я даже был преисполнен идеей и хотел воплотить эту великую цель (правда, великой жертвой). Меня ничего не останавливало, кроме избирательности кресла.

Про сатанистов я не наврал. Это было ужасное сборище. Мальчика мне было не жалко, хотя теперь я всё это воспринимаю по-другому. Но иначе было нельзя: хорошее не оставляло пятен на кресле. Именно так я думал.

Честный полицмейстер не смог совладать с чувствами, а я его не остановил. Такими медленными, но громкими шагами, я и не заметил, как стал зверем. Стал великим зверем. Я получил величие, стал управлять судьбами, но какой от этого смысл?

История Пьера и Евы тоже была слегка изменена. Я знал, что Пьер в пьяной горячке застрелит Еву через два года. Он ревновал её: слишком уж она была горяча. В этот раз я не смог допустить этого, только не с Евой. Я полюбил её, но она не знала обо мне. Письма и награду подстроил я. Ева была не

причём. Выпил я на том вечере, потому что переживал, что у меня не получится устранить Пьера. Ева же действительно сбежала, испугавшись происходящего. Спрятаться ей помог Арни.

Всё происходящее в трущобах было правдой. Мим был настоящим героем, которого никто не запомнил, кроме меня.

Между трущобами и Гансом был продолжительный временной промежуток, который я посвятил поиску Евы и угрызениям совести. Друг мой, на всём своём пути я никогда не забывал дочери, думая, что всё это делаю для неё. Однако я ошибался и был большим эгоистом. Всё это с самого начала я затеял для себя, а ответственность свалил на хрупкую одиннадцатилетнюю Катеньку. Я был слабаком, да и остался им. Еву же я нашёл в Бельгии. Её окружало трое прекрасных детей. Я был рад за Еву, жаль только, что не мог сказать ей этого лично.

Сейчас же, сидя на этом проклятом кресле, я думаю, что лучше бы проводил свою дочь Катеньку в мир иной спокойно, а после бы и сам ушёл. Однако я захотел большего. Зачем? Я жалею о каждой приведенной мной жертве. Уж лучше быстрая и мучительная печаль, чем вечная горесть и пепел. Да, я получил величие, познав всю бессмысленность своей жизни. Может в этом и заключается весь смысл величия и бессмертия? Не знаю. Мим точно знал.

Осталось последнее пятно – моё. Не знаю, что из этого

выйдет. Познав всё, я ничего не знаю. Если тот человек в чёрном был прав, то дочь вернётся в этот мир. Но нужен ли ей мир, в котором её отец главный злодей? Я долго над этим размышлял, очень долго, но время пришло, а пистолет заряжен. Сильный ветер станет свидетелем всей рассказанной истории. Дорогой друг, помни слова мима, а меня забудь. Величие сделало из меня ничтожество...